

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

№ 3
2019 год

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

ГОУ ВПО "Донбасская
аграрная академия"

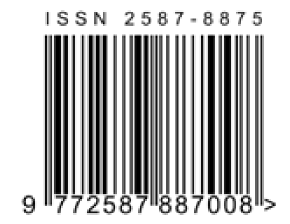
МАКЕЕВКА

2019 год

ГОУ ВПО "**Донбасская аграрная академия**" приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «**Психология человека и общества**».

Основное заглавие: **Психология человека и общества**
Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**
Параллельное заглавие: **Psychology of human and society**
Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**
Языки издания: **русский, украинский, английский**
Периодичность выхода: **1 раз в месяц**
Учредитель периодического издания: **ГОУ ВПО "Донбасская аграрная академия"**
ISSN: **2587-8875**

Редакционная коллегия издания:

Выходные данные выпуска:

Психология человека и общества. - 2019. - № 3 (8).

ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО ЖУРНАЛА
«ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА»

Выпуск № 3 / 2019

УДК 159.97

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ПОДРОСТКОВ, ПРОЯВЛЯЮЩИХ ДИСМОРФОФОБИЧЕСКИЕ РЕАКЦИИ

Волобуев Вахтанг Вячеславович,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка
E-mail: vakhtang_555@mail.ru

Богрова Кристина Борисовна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка
E-mail: Bogrova@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена изучению проблематики копинг-стратегий у подростков, проявляющих дисморфофобические реакции. Осуществлен теоретический анализ феномена, а также эмпирическое исследование подростков с дисморфофобическими реакциями и их выбор копинг-стратегий.*

Abstract. *The article is devoted to the study of the problems of coping strategies in adolescents exhibiting dysmorphic reactions. Theoretical analysis of the phenomenon, as well as empirical study of adolescents with dysmorphic reactions and their choice of coping strategies are carried out.*

Ключевые слова: *копинг-стратегии, дисмофофобические реакции, подростковый возраст.*

Key words: *coping strategies, dysmophobic reactions, adolescence.*

Актуальность исследования. В настоящее время проблема изучения дисморфофобических реакций становится все более востребованной, на что указывают современные зарубежные исследования (Connor-Greene, Davis, Lazarus Drewnowski). В них декларируется возрастающая тенденция к беспокойству касательно своей внешности [1]. Особенное внимание психологов привлекает подростковый возраст, когда наблюдается усиление внимания к своему телу. Для детей подросткового возраста крайне важно соответствовать эталону привлекательности, но подростковый «идеал» внешней красоты часто завышен и нереалистичен (И. С. Кон) [3]. Неудовлетворенность своими физическими данными, фиксация на реальном или воображаемом физическим обликом, повышенная значимость конкретных частей тела в целом приводят к фрустрации, которая побуждает подростка к активному преодолению, выражаемому в различных адаптивных стратегиях [1]. Следовательно, изучение психологических способов совладения со стрессом, то есть копинг-стратегий, приобретает особенное значение (Ф. Б. Березин, В. А. Бодров, В. П. Казначеев, В. И. Медведев, А. А. Реан, М. С. Яницкий и др.) [2].

Наибольшее количество работ посвящено именно глубокой патологии – дисморфофобии (дисморфомании) – психическому расстройству по МКБ-10. Однако дисморфофобические реакции, свойственные психически здоровым лицам недостаточно исследовано в психологическом научном пространстве.

Анализ исследований и публикаций. На сегодняшний день активно исследуются копинг-стратегии больных психическими и психосоматическими заболеваниями (В. А. Абабков, В. А. Ананьев, Н. М. Веселова, В. Д. Вид, В. С. Николаева, Н. А. Сирота и др.); изучается динамика копинг-стратегий по мере развития неврозов и других пограничных состояний (Г. Л. Исурина, Б. Д. Карвасарский, В. А. Ташлыков, Л. М. Таукенова, Е. И. Чехлатый, Л. В. Яссман); наблюдается выявление клинических форм психических и поведенческих нарушений вследствие влияние условий жизни на копинг-стратегии личности (Ю. А. Александровский, Ф. Ахин, Э. Линдеман, В. А. Моляко, В. Менингер, Д. Петрович, Б. Н. Пивень, Н. Н. Пуховский, М. М. Решетников, С. В. Чермянин и др.).

Целью исследования является изучение преобладающих копинг-стратегии у подростков, проявляющих дисморфофобические реакции.

Изложение основного материала исследования. В нашем исследовании копинг-стратерии рассматриваются как мобилизация личных ресурсов при преодолении жизненных затруднений. Характер этих стратегий в значительной мере зависит от личностных особенностей, жизненного опыта и других психологических факторов, которые определяют индивидуальное своеобразие процесса преодоления. Под дисморфофобией принято понимать психическое расстройство, при котором человек чрезмерно обеспокоен незначительным дефектом или особенностью своего тела. Повышенное внимание к своим внешним данным и их оценке от окружающих – одно из важных качеств подростков, что делает их сенситивными к проявлению дисморфофобических реакций.

Результаты исследования. Исследование проходило на базе Макеевской образовательной школы № 47. Выборку испытуемых составили 52 подростка 7-8 класса. Возрастной диапазон граничил в пределах 13-14 лет.

По материалам психологической диагностики при помощи опросника образа собственного тела О. А. Скугаревского и С.В. Сивухи были получены данные степени удовлетворенности своей внешности. По полученным результатам мы разделили детей на две группы: в первую - вошли дети, которые удовлетворены своей внешностью; во вторую группу вошли подростки, которые демонстрировали дисморфофобические реакции, то есть недовольство своей внешностью. Среди подростков выявлена большая часть (71 %) недовольных своей внешностью. Они акцентируют внимание на своем теле и лишнем весе, склонны к избеганию зеркал, их интересует мнение окружающих.

По результатам методики Маховера и Гудинафа «Рисунок человека», где рисунок человеческой фигуры символизирует образ тела, мы выявили, что для респондентов 1 группы характерен следующий усредненный психологический профиль: пытаются создать образ социально адаптированного, успешного, обладающего личной энергетикой человека; любознательны, уравновешенны, спокойны, поверхностные и неэмоциональные контакты с внешним миром. А для подростков с дисморфофобическими реакциями характерны сложности в общении, робость, скрытность, сосредоточенность на себе, поглощенность собственными чувствами, попытки отгородиться от внешнего мира, от контактов с окружающими.

По результатам опросника «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса мы выявили, что респонденты 1 группы не имеют преобладающей копинг-стратегии. Лишь 7 % подростков выбирает «бегство-избегание» или «планирование решения проблемы».

Также анализ результатов показал, что во 2 группе подростки используют копинг-стратегию «положительная переоценка», что можно рассматривать как защитную реакцию. Она проявляется в преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. То есть такие респонденты, проявляют недовольство какой-нибудь частью тела, что побуждает их к каким-то действиям. Например, заняться спортом или сделать татуировку. Однако чаще всего подростки с дисморфофобическими реакциями выбирают «бегство-избегание». Такие дети отрицают проблемы, уходят в фантазии, для них характерны инфантильные формы поведения в стрессовых ситуациях.

Далее представим данные по математическому расчету в таблице 1.

Таблица 1

Показатели математической статистики
по t-критерию Стьюдента

Методика	Шкалы	T	
		$t_э$	$t_{кр}$ ($p \leq 0,05$)
Опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса	Конфронтационный копинг	0.3	2
	Дистанцирование	0.9	2
	Самоконтроль	1.9	2
	Поиск социальной поддержки	0.4	2
	Принятие ответственности	0.7	2
	Бегство-избегание	3.3	2
	Планирование решения проблемы	2.2	2
	Положительная переоценка	3.7	2
«Опросник образа собственного тела» О. А. Скугаревского и С.В. Сивухи		9	2

Выявлена достоверная разница по критерию Стьюдента между группой подростков, довольных своей внешностью, и группой подростков, проявляющих дисморфофобические реакции, по параметру «образ я», выбираемыми копинг-стратегиями, что подтвердило нашу гипотезу.

Выводы и перспективы исследований. Психологическое предназначение копинг-стратегии состоит в том, чтобы как можно лучше адаптировать человека к требованиям ситуации, позволяя ему овладеть ею, ослабить или смягчить эти требования, постараться избежать или привыкнуть к ним и таким образом погасить негативное действие ситуации. Выявлено преобладающее большинство среди современных подростков тех, кто проявляет дисморфоффобические реакции. Они чаще, чем подростки, удовлетворенные своей внешностью, выбирают стратегию бегство-избегание.

Перспективами дальнейшего исследования является сравнение дисморфофобических реакций у подростков среди женского и мужского пола, разработка психологического тренинга для повышения сомоотношения и улучшения восприятия своей внешности.

Список использованной литературы:

1. Иванова К. В. Особенности самосознания женщин с дисморфофобическими реакциями: дисс. канд. психолог. наук: 19.00.01, 19.00.04 / Ксения Владимировна Иванова. – Москва, 2010. – 243 с.

2. Камынина И.В. Копинг-стратегии личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: дисс. канд. психолог. наук: 19.00.01 / Камынина Ирина Владимировна. – Петропавловск-Камчатский, 2008. – 212 с.

3. Кон И. С. В поисках себя: Личность и её самосознание / И.С. Кон. – М.: «Политиздат», 1984. − 335 с.

УДК 316.624

ЯВЛЕНИЕ БУЛЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ

Пронина Наталья Андреевна,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,

E-mail: natalie4941@rambler.ru

Мелентьев Антон Игоревич,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
E-mail: AnthonyMelentyev@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена актуальной теме исследования: буллингу среди подростков. Дается определение данного явления. Авторы анализируют вклад зарубежных и отечественных психологов в изучение проблемы исследования. Авторы дают определение буллинга. Выделяются виды, участники, гендерные особенности, признаки, формы, причины, последствия буллинга. Предлагается один из вариантов противодействия буллингу.*

Abstract. *Article is devoted to a hot topic of a research: to bullying among teenagers. Definition of this phenomenon is given. Authors analyze a contribution of foreign and domestic psychologists to studying of a problem of a research. Authors give bullying definition. Types, participants, gender features, signs, forms, the reasons, bullying consequences are allocated. One of options of counteraction to bullying is offered.*

Ключевые слова: *буллинг, подростковый возраст, школа, учитель, подросток.*

Key words: *bullying, teenage age, school, teacher, teenager.*

Изменения в политической и социально-экономической обстановке нашей страны привели к появлению разных слоев общества, большое количество мигрантов, негативное влияние СМИ и интернета провоцирует явление буллинга в современной школе среди подростков.

Данная проблема является одной из самых актуальных. Она волнует не только психологов, подростков и их родителей, но и педагогическое и научное сообщество, поскольку это явление поражает своей сложностью, многогранностью и масштабом.

Буллинг – это социально-психологический феномен, характеризующийся многократным агрессивным психологическим давлением и преследованием человека со стороны другого члена или членов коллектива.

В разное время этой проблемой занимались: зарубежные учёные –

психологи П.–П. Хайнеманн, Д. Ольвеус, Э.-Г. Руланн, А. Пикас, К. Салмивалли, В. Бесаг; и отечественные психологи: И. С. Кон, С. В. Кривцова, А. А. Бочавер, К. Д. Хломов, Л. В. Петрановская, С. Трошина, А. А. Реан и Д. А. Александров.

Цель нашего исследования: изучить явление буллинга в подростковой среде.

По данным Всемирной организации здравоохранения самые высокие показатели буллинга наблюдаются среди мальчиков 11 лет (14%), а самые низкие – среди 15-летних (9%). Показатели для девочек устойчивы применительно к возрасту 11 и 13 лет (11%) и снижаются к 15 годам (8%).

Выделяют различные виды буллинга. Прямой тип предполагает открытое воздействие, избиения, оскорбления в лицо. Косвенный тип предполагает скрытые издевательства, например, распространение слухов или объявление бойкота человеку.

По направленности выделяют буллинг между учеником и учеником, учениками и учеником, учителем и учеником, учителем и учениками, учениками и учителем, учеником и учителем.

По специфике содержания выделяют:

- физический самый распространенный и заметный тип буллинга, который включает в себя избиение, толчки, плевки, захват вещей. Чаще всего встречается у старших подростков.

- вербальный тип: жертве дают насмешливые прозвища, ей угрожают, оскорбляют, принуждают к каким-либо действиям, унижают.

- социально-психологический тип буллинга: сплетни и слухи, игнорирование, исключение из группы и общих дел, выставление на посмешище, бойкот и изоляции, манипуляции. Этот тип вызывает самый сильный эмоциональный стресс у жертвы.

- кибербуллинг предполагает травлю через телефон и компьютер, электронную почту, интернет, подразумевает распространение слухов и ложной информации, взлом страниц в Интернете, отправку негативных сообщений и комментариев, похищение и распространение фотографий, личных данных.

Психологи отмечают, что среди мальчиков больше распространён физический буллинг, а среди девочек – психологический, что придаёт буллингу изощрённый характер.

Участниками буллинга выступают агрессор, осуществляющий буллинг, жертва, на которую направлена травля, и свидетели, которые находятся в стороне или не принимают активного участия.

Подростки нередко бывают жестоки и не боятся понести наказание за свои действия, редко признают свою вину.

К гендерным особенностям буллинга относится:

- в средних и старших классах распространена косвенная травля;

- мальчики отличаются сменой ролей, чаще бывают хамелеонами;

- девочки чаще страдают от сплетен, негативных высказываний и жестов, мальчики подвергаются физическому насилию, угрозам, принуждению, хищению вещей;

- девочки чаще бывают провоцирующими жертвами;
- 89% учащихся сталкиваются с буллингом. Из них 8 % – агрессоры, 22 % – жертвы, 43 % – хамелеоны, 16 % – наблюдатели;
- девушки чаще вовлечены в буллинг, чем юноши, но они же чаще становятся наблюдателями [1].

Норвежский психолог Дан Ольвеус в своей книге «Буллинг в щколе» [2] определяет 5 признаков буллинга: неравенство сил (очевидно, что слабый сам не ответит); агрессия; неоднократность и длительность; впечатлительность жертвы (острая эмоциональная реакция); преднамеренность.

По мнению психологов С. Трошиной и А. Реана, причинами буллинга являются:
- привлечение внимания;
- демонстрация силы;
- утаивание и страхов;
- удовлетворение во власти и доминировании;
- агрессия;
- тревожность.

По мнению известного российского психолога Людмилы Петрановской, причиной буллинга является не специфические черты характера буллера, а единственное его желание травить, самоутвердиться за счёт других, причём не важно, кто является жертвой, важен сам факт. В частности, она описала случай в школе, «когда в классе на место жертвы встала девочка, которая была довольно популярна. Просто группе надо было кого-то жрать… А уж объяснение найдется». Психолог также объясняет, что «Травля — это не проблема отношений между личностями. Это болезнь группы» [3].

Последствиями буллинга могут быть сниженная самооценка, тревожные расстройства, социофобия, посттравматические состояния, психосоматические расстройства и суицидальные мысли, а также агрессия жертвы, доведенной до отчаяния, вспышка ярости или холодная спланированная акция.

По словам психолога, недавно в Калужской области провели исследование о факторах, провоцирующих буллинг, и выяснилось, что «чем престижнее школа, тем больше буллинга; в деревенских школах травли меньше, чем в городских. Размер класса, количество дипломов у учителя никак не влияет. Фактор, который совпал и в России, и на Западе, — атмосфера в школьном коллективе. Где с этим лучше, там меньше буллинга» [3].

Также Петрановская обозначила одну из самых ярких проблем современной российской школы: «Если школа ради своего удобства разделила детей на насильственные группы без права выхода и учебный процесс устроен так, что у детей нет общей цели, то нужно удерживать правила и следить за атмосферой в классе. К сожалению, в педагогических вузах об этом не говорят. Учителя не осознают, что не умеют работать с группой, и перекладывают ответственность на детей, родителей и общество» [3].

Проблема буллинга ясно отражается в подростковой среде, когда критике, а затем и травле может быть подвергнут любой член коллектива, достаточно ему

только выделиться на фоне остальных членов. Поводов может быть много, начиная от его нестандартного мышления и заканчивая особой формой одежды и наличием последней модели смартфона (т. е. материальными возможностями родителей).

Отечественный психолог Светлана Трошина предлагает такой план противостояния буллингу:

1. Признать проблему, называть вещи своими именами.

2. Обратиться к человеку, с которым сложились доверительные отношения. Рассказать о проблеме.

3. Не позволять агрессору управлять своими чувствами. Определиться, каких реакций он от нас ожидает, и не дать ему этих реакций. Не реагировать, не быть уязвимыми. Как только агрессор осознает, что нас никак не зацепить – найдет более податливую и простую цель.

4. Научиться говорить «нет» или отвечать на физическую силу тем же. Часто агрессору нужно всего лишь раз получить отпор.

5. Озвучивать проблему, обзавестись группой поддержки. Осознать совместную силу.

6. Уделить особое внимание работе над самоуверенностью и противостоянию манипуляциям.

7. Если предмет травли можно исправить – нужно исправить.

8. Если нельзя исправить, прекратить винить себя. Нужно осознать, что это проблемы агрессоров. Мы не можете все контролировать. Если можно сменить место обучения – сменить. Это не бегство, а забота о себе. Правда, это не всегда лучший способ решения проблемы [4].

Таким образом, буллинг является проблемой современного общества, вне зависимости от его количественных и качественных характеристик, поскольку он является как определённым результатом взаимодействия человека с обществом, так и системным кризисом в общественных отношениях, преодолеть который может либо слаженная, гармоничная, основанная на взаимном уважении работа членов коллектива, либо грамотные действия и непримиримая по отношению к конфликту позиция лидера этого коллектива.

Список использованной литературы:

1. Котова Н.В. Буллинг в школе: причины, последствия, помощь. Минск: Красико-Принт, 2015. 96 с.

2. Olweus D. Bullying at school: What we know what we can do. N.Y.: Wiley-Black-well, 1993.

3. Петрановская Л.В. Миллион детей в России ежедневно идут в школу как на казнь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://paperpaper.ru/petravovskaya/ (дата обращения: 28.02.2019)

4. Трошина С. Буллинг: что это такое, где встречается, как бороться // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://psychologist.tips/2957-bulling-chto-eto-takoe-gde-vstrechaetsya-kak-borotsya.html#i-4 (дата обращения: 28.02.2019)

УДК 159.09.07

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧИМОСТИ СТРЕСС-ФАКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ЗОНЕ КОНФЛИКТА

Рядинская Евгения Николаевна,
Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
E-mail: muchalola@mail.ru

Аннотация. *В статье приведены эмпирические результаты по разработанной автором анкете «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта». Вопросы анкеты были разбиты по шести блокам стресс-факторов: угрозы жизни, здоровью, экономические, общественно-политические; социальные, психологические факторы. Выявлено, что за время вооруженного конфликта в психическом состоянии жителей, проживающих в сложных условиях, произошли существенные трансформации. Эмпирически показано, что в интенсивно обстреливаемых районах (ИРО) основными факторами, влияющими на психику жителей, являются факторы здоровья, угрозы жизни, а также социальные, тогда как в малоинтенсивных районах обстрелов (МИРО) - социальные, общественно–политические и психологические*

Abstract. *For the first time the article presents empirical data based on the developed by the author questionnaire entitled "Determination of subjective perception of the significance of stress factors for the personality living in the area of armed conflict" the questions of which were grouped into the following six blocks: threats to life, health, economic, socio-political, social, and psychological factors.*

As a result of the research it was established that significant transformations took place within each of the blocks under consideration. It was found that changes in somatic health are observed in both men and women.

It has been empirically shown that in the areas of low-intensity shelling (ALIS) statistically significant is the influence of psychological, social and socio-political stress factors, whereas in the intensively shelled areas (ISA) the main factors affecting the human psyche are the threats to life, health and social factors.

Ключевые слова*: стресс, стресс-факторы, физическое здоровье, психическое здоровье, зона вооруженного конфликта, малоинтенсивный район обстрелов, интенсивный район обстрелов, трансформация личности.*

Key words: *stress factors, somatic health, mental health, area of armed conflict, area of low-intensity shelling, intensively shelled area, personality transformation.*

Введение. Исследования многих авторов показывают, что стресс представляет собой состояние сильного и длительного психологического напряжения, которое возникает у человека, когда его нервная система получает

эмоциональную нагрузку [3, 5, 6, 7, 8].

Стресс является одним из наиболее тяжелых видов психоэмоционального напряжения и затрагивает весь организм в целом, даже если едва выражен, он все равно оказывает влияние на физиологическое и психическое состояние человека [9, 10, 11, 12, 16, 17, 22]. Негативные эмоции активируют вегетативную нервную систему, которая, в свою очередь, воздействует на эндокринную и нервно-гуморальную системы [1]. Длительные стрессы оказывают влияние не только на психологическое состояние (появляются бессонница, проблемы с аппетитом, различные страхи, тревога, негативные эмоции), но и на физическое здоровье человека (обостряются сердечно-сосудистые, нервные заболевания, заболевания органов дыхания, желудочно-кишечного тракта и т.д.) [2, 14, 15, 18]. Особенно это проявляется у людей, проживающих в условиях конфликта. Таким образом, важным является изучение особенностей субъективного восприятия человеком значимости тех стресс-факторов, с которыми он сталкивается каждый день, непосредственно проживая в зоне конфликта (ЗК).

Методы и материалы. Целью эмпирического исследования является анализ особенностей проявления субъективного восприятия значимости стресс-факторов в контексте изучения трансформаций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта. В эмпирическом исследовании приняло участие 723 человека в возрасте от 17 до 75 лет. С целью получить более достоверную информацию по проблеме нами были сформированы две группы: первая группа состояла из жителей (335 человек) малоинтенсивных районов обстрелов (МИРО), во вторую входило население (388 человек) из интенсивных районов обстрелов (ИРО). Выборка была гетерогенной; семейное положение респондентов было различным (проживали в паре или были одиноки). Исследование проводилось в восьми городах Донецкой Народной Республики (г. Ясиноватая, Горловка, Докучаевск, Дебальцево, Иловайск, Макеевка, Донецк, Енакиево), в которых с 2014 г. по 2019 г. с разной интенсивностью идут боевые действия. Результаты эмпирических полученных данных были подвергнуты математической обработке с использованием t-критерия Стьюдента и метода характеристических интервалов.

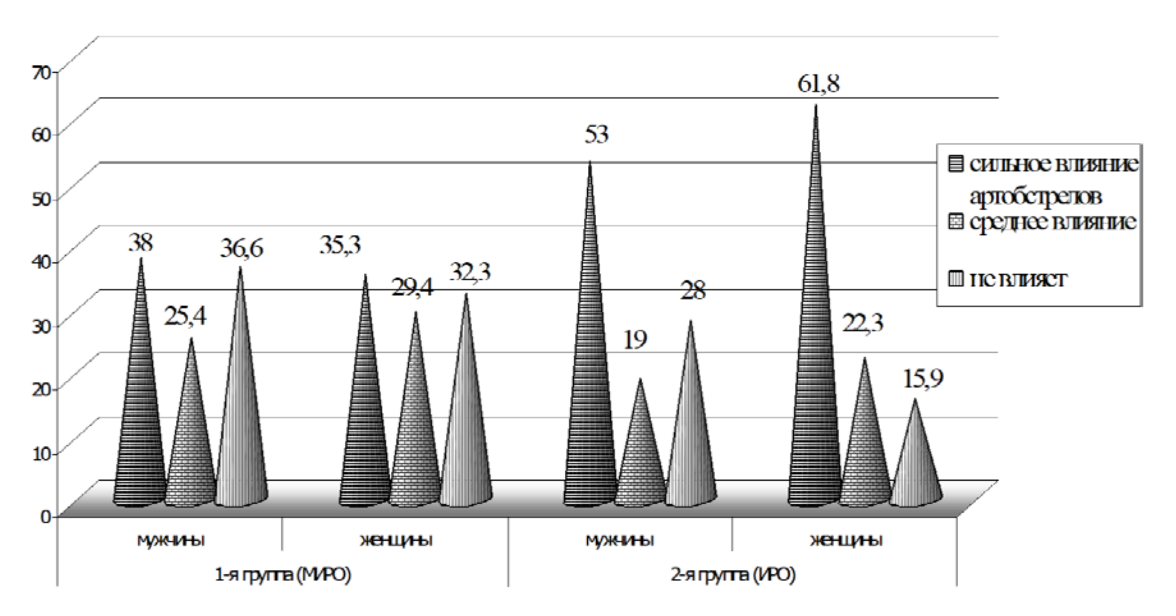
Для изучения субъективного восприятия личностью значимости стресс-факторов в условиях проживания в зоне вооруженного конфликта нами использовалась авторская анкета «Определение субъективного восприятия значимости стресс-факторов для личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта», состоящая из 60 вопросов, которые сгруппированы в следующие блоки: факторы угрозы жизни, здоровью, экономические, общественно-политические, социальные, психологические. С респондентами также проводились индивидуальные беседы с целью анализа субъективных оценок изменения соматического и психического состояния в период с 2014 г. по 2018 г.

Результаты и обсуждение. К первому блоку стресс-факторов «угроза жизни» нами были отнесены: артобстрелы с воздуха; наземные артобстрелы; действие диверсионных групп; возможность осуществления терактов (террористическая угроза); гибель членов семьи, близких родственников в ходе боевых действий от разных видов огнестрельного оружия (пуль, мины, снарядов,

осколков и т.д.); вероятность гибели в ходе вооруженного конфликта; вероятность стать заложником, военнопленным; нападение на личность; сексуальное насилие; наличие членов семьи, близких, родственников, пропавших в период вооруженного конфликта и т.д.

Анализируя значимость стресс-факторов по первому блоку «угроза жизни» нами было выявлено, что в основном для респондентов в возрасте от 19 до 60 лет и старше, проживающих как в малоинтенсивных районах обстрелов, так и в интенсивных районах представляют опасность наземные и воздушные артобстрелы (рис. 1).

Рассмотрим значимость обстрелов как стресс-фактора для населения, проживающего как в малоинтенсивных районах обстрелов, так и в интенсивных. Следует отметить, что в первой группе (МИРО) респонденты в возрасте 16-19 лет практически не ощущают на себе влияние воздушных обстрелов, так как живут в относительно спокойных районах. Из них 90,3% юношей и 70,7% девушек отмечают, что они воспринимают обстрелы как отголоски, больше похожие на раскаты грома.

* 1-ая группа – жители малоинтенсивных районов обстрелов (МИРО)
** 2-ая группа – жители интенсивных районов обстрелов (ИРО)

Рис. 1. Значимость стресс-факторов воздушных и наземных артобстрелов для населения, проживающего в зоне вооруженного конфликта (в %)

Во второй группе (ИРО) исследуемых этой же возрастной категории наблюдается подобная картина: 89,7% юношей и 50,9% девушек также не ощущают влияния обстрелов, в то же время в этой группе у почти трети девушек (28,8%) отмечено сильное ощущение влияния обстрелов, а у 20,3% – среднее.

Данные результаты указывают, прежде всего, на особенности юношеского возраста.

Известно, что в период юности люди охотнее идут на риск, они непримиримы в отстаивании своих взглядов, им присуща максималистская позиция, хочется острых ощущений: идет погоня за адреналиновым возбуждением нейронов от необычных и неожиданных событий. Вооруженный конфликт для них может восприниматься как очередное приключение, возможность показать себя окружающим, доказать себе свою состоятельность и значимость.

Респонденты первой группы (МИРО) в возрасте от 19 до 35 лет этой группы уже в большей степени ощущают на себе влияние обстрелов. Эта возрастная группа характеризуются более устойчивыми взглядами, меньшей степенью импульсивности, стремлением упорядочить свою жизнь, добиться реализации целей, карьеры, создать семью и необходимый материальный базис и т.д.

Вторая группа (ИРО) исследуемых той же возрастной категории (19-35 лет) также показала высокие результаты по данному стресс-фактору: 80% мужчин и 100% женщин отметили сильное или среднее влияние на их жизнь каждодневных обстрелов.

Большинство респондентов возрастной группы 35-60 лет и 60 и более лет обеих групп также указали на то, что постоянные обстрелы сильно влияют на их жизнь (первая группа – 81,6% мужчин и 81,5% женщин; вторая группа – 95,3% мужчин и 96,4% женщин; $p>0,05$).

Однако у жителей, проживающих в зоне интенсивных обстрелов (ИРО) по сравнению с первой группой (МИРО) более выражена боязнь за свою жизнь, они острее чувствуют опасность, реальнее представляют угрозу обстрелов, поскольку постоянно живут в страхе и тревоге за себя и своих близких ($p<0,01$).

Результаты по вопросам степени влияния обстрелов на человека в первой исследовательской группе (МИРО) указывают на то, что респонденты серьезно относятся к данным стресс-факторам. Больше половины опрошенных мужчин (51,5%) отметили сильное влияние на них обстрелов, треть (33,3%) – среднее влияние, а на 15,2% это никак не влияет. Более 60% женщин указали на то, что обстрелы существенно влияют на их жизнь. Прежде всего, их беспокоит будущее детей, постоянная угроза жизни и здоровью.

Данный блок стресс-факторов анкеты касался также отношения респондентов к возможности собственной гибели или гибели близких людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта (см. рис. 2).

В первой группе (МИРО) половина респондентов, как мужчин (46,3%), так и женщин (52,2%) обозначили стресс-факторы вероятной собственной гибели или гибели родных наиболее значимыми. Треть опрошенных (33,6% мужчин и 28,8% женщин) указали на среднюю степень влияния этих факторов, 20% – показали, что подобные возможные явления их не волнуют.

Большинство мужчин (69,6%) и женщин (81%) второй группы (ИРО) констатировали, что подобные стресс-факторы являются для них значимыми.

Лишь небольшое количество опрошенных из обеих групп (11,3% и 6,3%) в основном из возрастной категории 16-19 лет, заявили, что они им не важны.

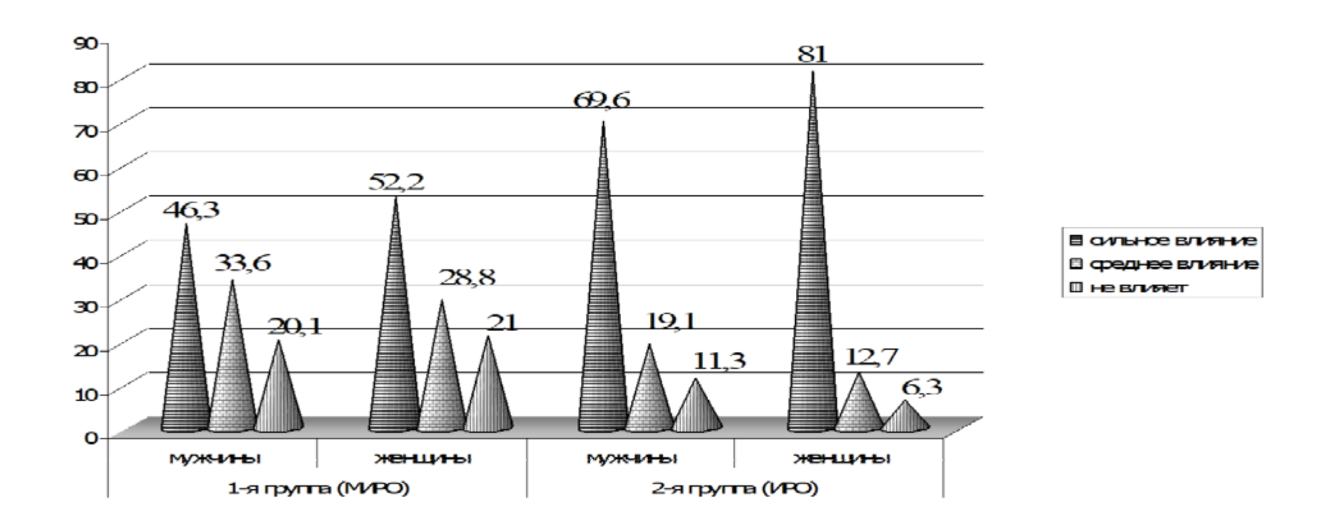

Рис. 2. Значимость стресс-факторов «собственная гибель», «гибель родственников» в первой и второй исследовательских группах (в %)

Здоровье – это самое ценное, что есть у человека. Здоровье во всех обществах, входит в число социальных ценностей и определяет специфику современного общества в его движении к исторически новому состоянию. Это положение определяется не только влиянием кризисов: экологического, демографического, геополитического, этнического, нравственного, но и влиянием технико-технологических достижений, вызывающих эмоционально-психическое напряжение и стрессы, в результате которых увеличивается отрицательное влияние не только на психическое, но и на физическое состояние здоровья человека [4, 19], что представляется особенно важным в условиях вооруженного конфликта.

К факторам угрозы здоровью мы отнесли: болезнь близких, как результат негативных последствий вооруженного конфликта; состояние своего здоровья; переживание за жизнь и здоровье детей; потеря здоровья близких или родственников в ходе боевых действий; участие в боевых действиях членов семьи; собственное ранение; ранение близких или родственников и т.д.

Анализируя ответы на вопросы второго блока анкеты относительно важности здоровья респондентов, мы выяснили, что существенных значимых различий в двух группах не выявлено ($p > 0,05$) (см. рис. 3).

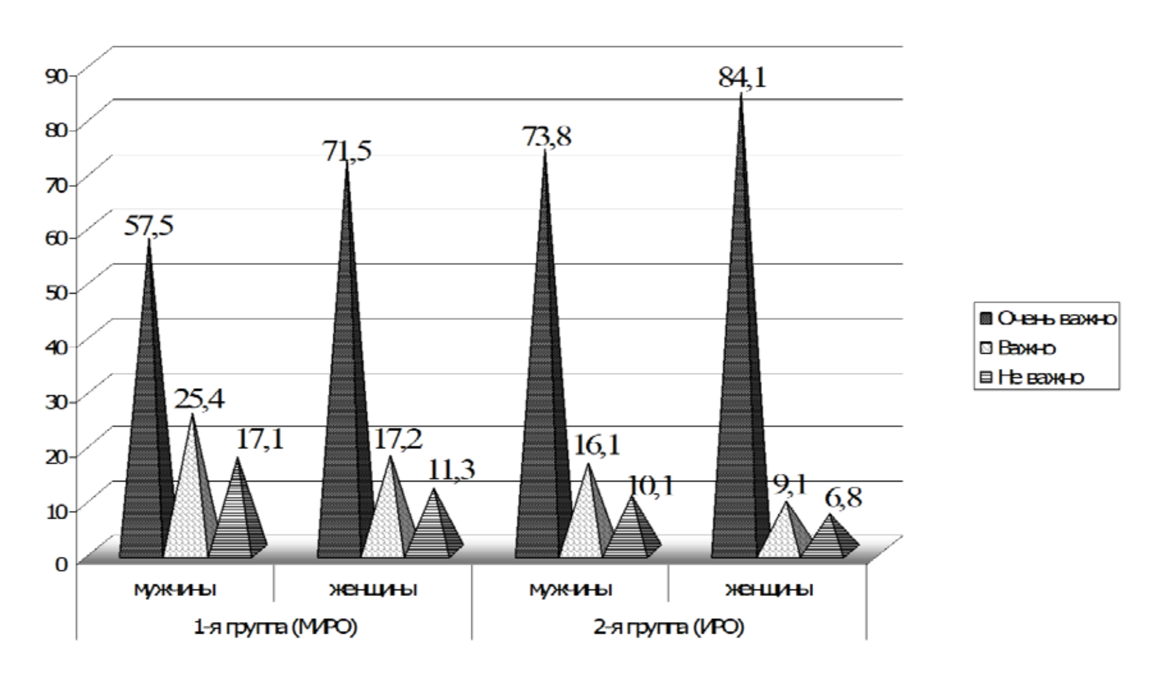

Рис. 3. Значимость стресс-факторов «угроза здоровья»
для 1-ой и 2-ой исследуемых групп (в %)

У большинства опрошенных двух групп по данному фактору здоровье имеет большое значение. У мужчин этот показатель по данному фактору ниже, чем у женщин (1-я группа – мужчины - 57,5%; женщины - 71,7%; 2-я группа – соответственно: мужчины - 73,8%; женщины - 84,1%). И это объясняется, прежде всего, ответственностью, заложенной в женском организме на генетическом уровне, из-за которой она более бережно относится к своему здоровью, чаще посещает врачей и меньше совершает необдуманных поступков. Мужчины в этом плане менее ответственны, вызывают врача только, когда уже заболели. Они чаще употребляют для снятия стресса алкоголь или сигареты, что тоже оказывает негативное влияние на здоровье [20, 24].

Вегетативный дисбаланс и напряжение механизмов центральной адаптации приводит к истощению процессов регуляции и управления, развитию состояний перенапряжения и астенизации, с последующим переходом в психосоматические расстройства.

Структура жалоб на психосоматические расстройства по данным анкетирования двух групп населения, проживающего в зонах вооруженного конфликта, достоверно не отличается ($p>0,05$).

Рассмотрим структуру жалоб на состояние здоровья населения, проживающего в двух районах вооруженного конфликта. В ней первое место занимает сердечно-сосудистая система, второе – нервная система, на третьем - органы дыхания, четверном - желудочно-кишечный тракт, пятом - эндокринные жалобы.

Со стороны сердечно-сосудистой системы отмечались жалобы на боли в области сердца, колебания артериального давления и стойкое повышение повышение артериального давления. Со стороны нервной системы ведущими были жалобы на головную боль, головокружение, утомляемость, снижение

памяти и концентрации внимания, сонливость. Со стороны органов дыхания участились обострения бронхита, в.ч. астматического бронхита и бронхиальной астмы. Со стороны желудочно-кишечного тракта отмечались явления дискомфорта. При нарушениях со стороны эндокринной системы отмечались обострения сахарного диабета и заболеваний щитовидной железы

Лишь незначительная часть молодых людей в возрасте от 16 до 19 лет, как первой, так и второй групп (11,1% и 7,7% соответственно) не предъявили жалоб она свое состояние здоровья. Вероятно, это связано с возрастом, когда собственное здоровье не имеет большой ценности в силу молодости. Кроме того, в этом возрасте на достаточно высоком уровне находятся устойчивость нервной системы и механизмы центральной адаптации, препятствующие перенапряжению и астенизации, с последующим переходом в пред - и психосоматические расстройства.

Вопросы экономического и общественно-политического блоков анкеты затронули практически всех респондентов. Результаты анкетирования свидетельствуют, что экономическая и общественно-политическая ситуация, сложившаяся в зоне вооруженного конфликта, экономическая и социальная блокада Донецкой Народной Республики усложняют все процессы жизнедеятельности. Достоверных различий по стресс-факторам данных блоком в двух группах выявлено не было ($p > 0,1$). В обеих группах приблизительно с одинаковой частотой выявлены невозможность осуществления нормальной жизнедеятельности, трудовой деятельности, финансовая нестабильность (невозможность оплаты по кредитам, коммунальным платежам, медицинским и образовательным услугами т.д.); материальная нестабильность (отсутствие организованного отдыха детей и взрослых, отсутствие разнообразия в покупках и т.д.); разрушение собственных домов; вид разрушенных производств и жилых массивов; сложности с трудоустройством; осознание несоблюдения собственных гражданских прав; собственное внутреннее несогласие со сложившейся системой общественных отношений; невозможность свободно высказывать свое мнение; затрудненность территориального передвижении (блок-посты) и т.д.

Все эти стресс-факторы вызывают у людей различные негативные состояния, которые отражаются, прежде всего, на их физическом и психическом здоровье. При этом, большинство респондентов, как первой, так и второй групп считают проблемы экономического характера наиболее важными и значимыми (1 группа - 67,9% – мужчины, 85,6% – женщины; 2 группа - 72% мужчин и 82,3% женщин). Лишь для небольшого количества респондентов (8,9%) экономическая составляющая жизни не очень важна. Относительно в более благоприятном положении находятся пенсионеры обеих групп (55-65 лет), так как они получают социальную помощь и продолжают работать.

Восприятие общественно-политической ситуации население региона остается сложным. Людей волнует разрушение родственных связей, отсутствие понимания близких с территории, где нет военных действий, конфликты с бывшими сослуживцами, которые уехали из зоны вооруженного конфликта, разлука с некоторыми членами семьи и невозможность полноценного общения.

Наряду с этим неблагоприятное влияние оказывали СМИ, которые всячески нагнетали обстановку, информируя население о положении дел в стране, а также негативное отношение жителей той части Украины, где нет военных действий к людям, оставшимся в зоне вооруженного конфликта. Неопределенность и неоднозначность ситуации, хаос и неразбериха, отсутствие элементарной безопасности, гарантированной Конституцией, – все это вызывало панику и страх будущего.

Многие мужчины из первой группы (53,7%) и значительная часть мужчин второй группы (73,2%) возрасте 35-60 лет отмечают, что утратили веру в будущее и осознают реальное отсутствие жизненных перспектив. Сложность в трудоустройстве из-за закрытия многих предприятий вследствие блокады и военных действий, низкая заработная плата, вызывают у них чувство растерянности и безысходности. Так, у мужчин первой группы (8,2%) и у 11,3% мужчин второй группы брак распался вследствие отсутствия работы и невозможности содержать семью.

Женщины в обеих группах (первая группа – 7,5%, вторая-группа – 9,2%) также свидетельствуют об утрате жизненных перспектив и отсутствии возможности планировать будущее. Однако постоянная тревога и ответственность за детей заставляет их активизировать свои жизненные ресурсы для организации нормального существования в условиях военных действий.

Вопросы социального блока анкеты имеют также большее значение для жителей, проживающих в ЗВК. К нему мы отнесли следующие факторы: отсутствие социальной защиты со стороны государства (невыплата пенсий, пособий по уходу за ребенком, инвалидности и т.д.); невозможность или ограничение обучения в общеобразовательных, средних и высших учебных заведениях; невозможность в полном объеме получить качественные медицинских услуги; отсутствие нормальных бытовых условий (вода, электро- и газоснабжение, стационарная и мобильная связь, интернет и т.д.) вследствие боевых действий и пр.

Большинство респондентов первой (61,2%) и второй (77,8%) групп беспокоят проблемы социального плана, особенно в период с 2014 по 2016 г.г., когда Украиной осуществлялась социально-экономическая блокада Донбасса. Невозможность или затрудненность получения пенсий, пособий по уходу за ребенком и по инвалидности, отсутствие элементарных бытовых условий для жизни создавали серьезную угрозу для дальнейшей жизнедеятельности. В 2014-2015 годах дети практически не посещали учебные учреждения, особенно в районах сильных артобстрелов, студенческая молодежь обучалась дистанционно, что, естественно, снижало уровень качества обучения.

Возраст от 19 до 25 лет наиболее благоприятный для создания семьи, однако, 44,7% женщин и 22,6% мужчин первой группы и 59% женщин 31,4% мужчин второй группы до настоящего временя в брак не вступили. При этом у 6% (1-я группа) и у 10% (2-я группа) опрошенных женщин мужья погибли, принимая участие в вооруженном конфликте. Некоторые женщины также отмечали, что их семьи распались по причине чрезмерного употребления

мужьями алкоголя - привычки, которая проявилась в период вооруженного конфликта, особенно в его начале (2014-2015 г.г.), когда невозможно было осуществлять трудовую деятельность из-за сильных артобстрелов.

Психологические стресс-факторы, к которым мы отнесли: отсутствие понимания со стороны близких и родственников, отсутствие жизненных перспектив; конфликты по причине разных политических взглядов; конфликты с друзьями или коллегами как следствие незаслуженных оскорблений; потеря расположения руководителя; потеря любви; разлука с семьей; одиночество вследствие гибели близких; вид пострадавших людей; работа в условиях боевых действий; негативное влияние средств массовой информации на психику вследствие ее недостатка или излишка; неизвестность и неопределенность возникшей ситуации; страх потерять контроль над внезапно возникшей ситуацией, агрессивное поведение; асоциальное и аддиктивное поведение, проблемы с памятью и с концентрацией внимания; бессонница и потеря аппетита и т.д. Влияние всех факторов наиболее остро проявились у жителей интенсивно обстреливаемых районов по сравнению с малоинтенсивными районами (соответственно в первой группе - 42,4% и во второй группе -75%.) Это свидетельствует о том, что их привычная картина мира разрушена, насилие лишило их иллюзии безопасности, жизненные ценности, будучи ранее приоритетными, утратили свою актуальность. Главной и единственной ценностью стала являться собственная жизнь и жизнь близких людей.

Так, почти половина респондентов второй группы (ИРО) – 49,2% отмечали немотивированные вспышки ярости и агрессии, особенно, когда слушали украинские новости, часто отмечали у себя неадекватные реакции на происходящее, 35% мужчин и 40,5% женщин жаловались на бессонницу. Проблемы с памятью и концентрацией внимания стали замечать у себя жители данной группы (19% мужчин и 23,6% женщин).

В первой группе (МИРО) треть респондентов также указывала на немотивированную агрессию, которая особенно проявлялась у женщин возрастной группы 35-60 лет. Жители этих районов менее пострадали физически, но у них отмечались психологические изменения: проявление подавленного настроения, утрата жизненного смысла вследствие нарушения привычного порядка жизни, страх возможных обстрелов и боязнь угроз уничтожения, разрыв отношений с родными, у некоторых – потеря близких.

Заключение. Таким образом, подробно проанализировав результаты блоков разработанной нами анкеты по изучению субъективного восприятия значимости стресс-факторов человеком, проживающим в зоне вооруженного конфликта, можно сделать вывод о существенных изменениях, касающихся различных проявлений психических состояний оказывающих непосредственное влияние на ценностно-смысловую структуру личности, подвергая ее серьезной трансформации.

Список использованной литературы:

1. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л.И. Анциферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 1. – С. 34-38.
2. Данильченко С.А. Отношение к смерти и бессмертию на войне: монография / С.А. Данильченко. – Владивосток: ТВМИ им.С.О. Макарова, 2007. – 113 с.
3. Зеленов М.В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане / М.В. Зеленов, , Е.О. Лазебная, Н.В. Тарабрина // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 2. – С. 34-47.
4. Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога / Л.А. Китаев-Смык. – М.: М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2001. – 80 с.
5. Котенёв И.О. Террористический акт в Буденновске: постстрессовые состояния у работников милиции / И.О. Котенев, М.Б. Богданова // Известия МЦПО и КНИ при ГУК МВД России. – 1996. – № 3. – С. 49-56.
6. Лазарус Р.С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к стрессу / Р.С. Лазарус // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. –М.-Женева, 1989. – С. 121-126.
7. Лазебная Е.О. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий / Е.О. Лазебная // Психол. журн. – 1999. – № 5. – С. 62-74.
8. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокойства тревоги / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. –1969. –№ 1. –С. 131-138.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации. 2-е изд. исправл. / М.Ш. Магомед-Эминов, А.Т. Филатов, Г.И. Кадук, О.Г. Квасов. – М.: АНО УМО «Инсайт», 2004. – 112 с.
10. Basowitz H. Anxiety and Stress: An Interdiscipplinary Study of a Life Situation / H. Basowitz, H. Persky, Sh. Korchin, R. Grinker. – New York: McGrow-Hill, 1955. – P. 203-243.
11. Dohrenwend B.P et al. Measuring life events: The problem of variability within event categories. Special issue:II-IV. Advances in measuring life stress / B.P. Dohrenwend, B.G. Link, R. Kern, P.E. Shrout // Stress Med. 1990. – V. 6. – #. 3. – P. 179-187.
12. Selye H. The stress of life / H. Selye. – New York: McGrow-Hill, 1956. – P.81 94.
13. Абабков В.А., Пере М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии / В.А. Абабков, М. Пере. – СПб.: Речь, 2004. – 166 с.
14. Александровский Ю.А., Лобастов О.С. Психогении в экстремальных условиях / Ю.А. Александровский, О.С. Лобастов. – М.: Медицина, 1991. – 96 с.

15. Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research / I. Abakumova, L. Kruteleva, E. Ryadinskaya. – Barselona: 6th.World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences) , 2016. – P. 1-6.

16. Grinker R.R., Robbins F.P. Psychosomatic Case Book / R.R. Grinker, F.P. Robbins. N.Y., 1954. – P. 112.

17. Щорічна доповідь про стан здоров’я населення, санітарно-епідемічну ситуацію та результати діяльності системи охорони здоров’я України. 2015 рік / за ред. Шафранського В. В.; МОЗ України, ДУ «УІСД МОЗ України». – Київ, 2016. – 452 с.

18. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Здоровье как интегративная характеристика личности / О.С. Васильева, Ф.Р. Филатов // Психологический вестник. – Вып. 3. – Ростов-н/ Д., 1998. – С. 412-419

19. Lasarus R.S., Folkman S. Kognitive theories of stress end the issue of circulariti / R.S. Lasarus, S. Folkman // Dinamics of stress. Physiological, psychological and socil perspectives. EDS M.H. Appley, R. Trumbul. – N-Y.: Plenum, 1986.

20. Rizvi N.H. A Critique of the models to study stress / N.H. Rizvi // Journal Social Science and Human. – 1985. – Vol. 1–2. – P. 103-123.

21. Wong P.T.P. Meaning in life. In A. C. Michalos (Ed.). Encyclopedia of quality of life and well-being research / P.T.P. Wong. – 2014. – P. 3894-3898.

22. Ryadinskaya Yev. Theoretical analysis of a systematic approach to the study of the strategies of life meaning of the individual under an armed conflict / «The Tenth International Conference on Eurasian scientific development». Proceedings of the Conference (September 02, 2016). «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH / Yev. Ryadinskaya. –Vienna. 2016. – P. 40-43.

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА

Международный научный журнал

Выпуск № 3 / 2019

Подписано в печать 15.03.2019

Рабочая группа по выпуску журнала

Главный редактор: Морозова И.С.
Редактор: Гараничева О.Е.
Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке
ГОУ ВПО "Донбасская
аграрная академия"

Контакты:

E-mail: donagra@yandex.ua
Сайт: http://donagra.ru

